

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Попытаемся здесь определить некоторые общие приемы работы с историко-психологическими документами советской эпохи. Зачастую мы не имеем нескольких описаний одного и того же события и вынуждены определять достоверность источника, пользуясь, прежде всего, текстологическим анализом. Сразу отметим, что допускающее лишь однозначное толкование чтение источника именно так, «как он написан», без попыток определить в нем «двойное дно», во многих случаях невозможно. Сообщая о своих наблюдениях, информатор употребляет слова-понятия без обязательной для них строгости и точности. Текст становится и многозначным и неотчетливым, нередко и загадочным. Порой кажется, что он создан несколькими людьми: выпренняя риторика в нем соседствует с полуграмотной речью, метафоричность с косноязычием, пафос с просторечием. Образно говоря, роскошные одеяния здесь скрывают лохмотья — но какие из этих одежд принадлежат именно тому человеку, которого мы слышим, выяснить трудно. Нам необходимо поэтому четче выявлять в переданной информатором речи различных лиц вкрапления речи «чужой», отделить то, что принадлежит самому протоколисту или докладчику, от того, что высказано другими людьми. Мы должны определить различия в стиле письма рассказчика и тех, о ком он рассказывает, отметить частоту употребленных здесь однотипных формул, характерных оборотов, нарушений синтаксиса. Так, создавая «канцелярский» документ, его составитель мог инерционно «канцеляризовать» и другой язык, передав его в традиционных для делопроизводственной отчетности формах — поэтому историк должен тут выступать и знатоком устной повседневной речи тех лет, снимая с нее чуждые ей наслоения.

При выяснении достоверности текста мы должны обращать внимание на то, в какой степени он конкретен, насыщен

детальными и подробностями и как мотивированы в нем различные события. Чем неотчетливее становится изображение, тем быстрее оно облекается в риторические формулы, тем скорее разнообразие ситуаций упрощается интерпретациями, созданными в рамках партийных догм. Анализ риторических штампов, допускаемых авторами документов, позволяет нам, во-первых, определить самостоятельность их письма. При этом необходимо выявить степень разветвленности и частоты использования политических терминов, определить, что перед нами — отдельные клише, вкрапленные в повседневную речь и не меняющие ее содержание, или цепь клише, за частоколом которых уже трудно разглядеть подлинные причины событий того времени. Во-вторых, мы должны обнаружить источники заимствования идеологом. Сравнив прототекст и текст, можно изучить не только механизмы формирования политической ментальности масс, но и приемы модификации предложенных им клише — а значит, и рамки их применения. Заметим при этом, что использование политических терминов неизбежно создавало условия для воспроизводства клишированных текстов, поскольку эти термины намечали их осевые конструкции.

Необходимо четко представлять, какова роль риторики в формировании политико-психологических свидетельств. Риторика — это и отбор значимого и незначимого в описываемых событиях, это определенный ракурс их видения, заменяющий их скептический анализ. Риторика в интервью — это своеобразная оговорка, которая обрывает или упрощает рассказ, переводит его на те тропы, которые привычны и даже необходимы для восприятия его обществом. Риторическое часто заменяет конкретное: детали становятся более патетичными, но менее определенными. Нередко риторика возникает ввиду эмоциональности рассказа, для которой обычны крик, возглас, восклицание и, как следствие этого — пафосность. Изучение мельчайших подробностей событий разрушает патетику, поскольку раздробляет один громкий крик на множество разнородных голосов, не обладающих столь сильной степенью эмоционального напряжения. Эмоциональное во многом формирует и структуру рассказов блокадников. Конструкция их такова: сначала намечаются общие, контурные их схемы, которые затем «обрастают» деталями посредством повторов и уточняющих полуповторов — но последнее нельзя отделить

от эмоциональных проявлений. Для рассказчика ткань событий зачастую восстанавливается не по связанным с блокадой местами, а по эмоциональному следу, оставленному каким-либо событием.

В воспоминаниях и дневниках эмоциональное также может рассматриваться как элемент сцепления многих эпизодов. Последовательность придается им не внешней причинно-следственной связью, а своеобразным «единством» взгляда, не различающего полутонов, но четко отделяющим свет от тьмы. Меняются люди и обстоятельства, но не меняется шкала их оценок: логика нравственного выбора определяет логику повествования. Постоянство морального вердикта упорядочивает и структуру рассказа — ему всегда присущи страсти к сентенциям и новеллистичность, делающие описание более ярким и тем самым созвучным эмоциональному настрою их авторов.